

испытывает сильных, пограничных ощущений от достигнутого удовольствия, поэтому он ищет удовольствия в перверсивных практиках, обещающих больший резонанс с невротическим я. А упомянутый резонанс не существует в силу того, что он также носит декларативный характер, являясь всего лишь вариантом, полярным обычной парадигме получения наслаждений.

Невротик способен получить требуемое удовольствие, но его практическая несущественность, его раздутое желание сверхбытия самого я, помноженное на паническую боязнь действия и ответственности, результирует в перверсивность практик получения удовольствия, которого он ищет. Невротическое общество способно воспользоваться наслаждением, но не способно им обладать, потому что платит за него страшную цену – получая его, оно лишается возможности его прочувствовать и пропустить через себя на уровне безусловного восприятия.

Примечания

1. *Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Радуга, 1983.
2. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. М.: Студия Ардис, 2005.
3. *Браун Дж.* Психология Фрейда и постфрейдисты. М.: Рефл-бук, 2007.

Е. В. Биричева
УрГУ им. А. М. Горького

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ «КАРТИНЫ МИРА» В РАМКАХ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Современный субъект, существующий в мире высоких технологий, вынужденный ориентироваться среди огромных потоков информации, теряется в этом глобальном плюрализме и, как результат, начинает утрачивать свою целостность, гармоничность, однозначность. Эта тенденция – характерный симптом современного «общества раздробленных индивидов» (З. Бауман), который, помимо социальной и культурной сферы, захватывает научный и философский дискурсы, противопоставляя и бесконечно дробя их на разрозненные части. Тогда можно ли в контексте неклассической рациональности говорить о той или иной «картине мира»,

объединяющей разобщённые компоненты современной действительности? Но прежде, чем ставить под вопрос понятие «картины мира», необходимо разобраться, в контексте каких «рациональностей» мы будем его рассматривать.

Сама по себе категория рациональности появилась и начала обсуждаться относительно недавно. В первой половине XX века проблема рациональности рассматривалась была предметом рассмотрения таких философов, как А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Вебер, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др. И во многом именно эти мыслители определили тот угол зрения, под которым «тема рациональности обсуждается и сегодня, а именно как вопрос о формообразующем принципе жизненного мира и деятельности человека, определяющем отношение человека к природе и себе подобным» [1. С. 3]. Специфика сегодняшнего ракурса рассмотрения проблемы рациональности – смещение в сферу философии науки с целью обосновать данное понятие, очертить его рамки, с одной стороны, и сознательное стремление к критике этой категории, размыванию её в плюрализме значений или вообще к отрицанию понятия – с другой. Например, некоторые исследователи считают, что понятие рациональности можно определить только через парадокс «субъект рационален тогда, когда он иррационален, и наоборот» [2. С. 355], то есть парадокс рационального подхода в том, что его основанием является «иррациональная вера в разум» (К. Поппер). В классическом понимании вера выступает в качестве некой «уступки незнанию» [3. С. 60]; это то, что ещё не детерминировано. Однако в XX веке приоритет знания по отношению к вере оказывается поставленным под сомнение.

Отправной точкой в осмыслении понятия рациональности должно выступать понимание категории разума. Только в XIX веке внеисторическое понимание данной категории было поставлено под вопрос с одной стороны французским позитивизмом (Сен-Симон, Конт), а с другой – послекантовским немецким идеализмом (Гегель). Осуществился переход: «вместо одного разума возникло много типов рациональности, как глубокомысленно заметил немецкий философ Г. Шнедельбах, “рациональность вытеснила разум”» [1. С. 10]. Таким образом, сегодня необходимо вернуть рациональности её изначальное значение разумности, смыслополагания, иначе она начинает трактоваться заузненно, появляются проблемы общенаучного масштаба. Нет сомнения в том, что понятию рациональности

невозможно дать исчерпывающее «абсолютное» определение. Однако в рамках настоящей работы предлагается под рациональностью понимать культурно-исторически сложившийся способ мышления, основанный на разумности как целесообразности и характеризующийся той или иной системой ценностей, а также смыслов, вкладываемых в целеполагание.

В таком контексте классическая рациональность, сложившаяся в эпоху Нового времени, прежде всего, проявляет себя в установлении оппозиции «мир объективной реальности – субъект, познающий этот объективный мир». То есть из мира Природы исключается целевая компонента, объективная реальность видится как безликий механизм, законы которого человек должен познать, чтобы подчинить себе эту реальность. Именно в рамках классического типа рациональности мы можем говорить о «картине мира», на чём настаивает М. Хайдеггер: «Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины» [4. С. 69]. Быть сущим здесь означает быть «представленным» во всех своих свойствах перед субъектом-исследователем, который, в свою очередь, «составляет» картину мира, представляя сущее тем или иным образом. Центр тяжести смещается в сторону познания законов Природы, субъект же принимается как нечто уже данное, наличное, разумное. Поэтому классическая рациональность зачастую отождествляется с научной: здесь наличие и статус субъекта не ставится под вопрос, – и именно благодаря этому становится возможна наука.

Одним из основных моментов, имеющих место при переходе от классической рациональности к неклассической, является то, что происходит «феноменологический сдвиг внимания» [5. С. 36], то есть внимание сдвигается на существование от содержания. «Классическое “явление”, не имеющее онтологического существования и значимости, теперь становится “феноменом”» [5. С. 36]. В классической рациональности «мы точную картину физических явлений в мире покупаем ценой нашего непонимания сознательных явлений» [5. С. 12]. Это как раз и подразумевает отстранённый статус классического субъекта, не задающего себе вопрос о своём собственном существовании и основании. Таким образом, вся философия Нового времени имеет крен в сторону гносеологической проблематики. «Переосмысляя и снимая субъект-объектную конструкцию, современная онтология вбрасывает

мыслителя в само поле анализа. Под вопросом оказывается не только бытие, но и сам философ, являющийся его неотъемлемой частью» [6. С. 13]. Когда в познание включается онтологическая значимость психики и сознания, мы видим, что именно благодаря «феноменологическому сдвигу» в сторону признания значимости явлений сознания происходит смена типов рациональности, осуществляется переход от классического к неклассическому типу мышления. Теперь имеют место «радикальные ограничения возможности наблюдателя быть субъектом» [5. С. 59], классическим субъектом. Как замечает Мамардашвили, субъекта нет в том смысле, что «я не могу подsunуть себя в качестве непрерывного наблюдателя» [5. С. 63], абсолютного наблюдателя событий, которые имели место без меня, а также в другом времени и пространстве. Поэтому в контексте неклассической рациональности мы оказываемся в условиях проблематизации картины мира по двум причинам. Во-первых, «художник» не может быть частью своей картины, а тут мы как раз имеем дело с противоположным. Как, например, наблюдатель неклассических (квантовых) физико-химических явлений становится частью своего эксперимента, так и современный философ уже не может быть отделён от выстраиваемой им онтологии: «Философствование превращается, в результате, в работу на границе, где граница сама, по словам Ж. Деррида, постоянно находится в работе» [6. С. 13]. Таким образом, мы видим, что происходит деконструкция обеих составляющих классической оппозиции «субъект-объект». Во-вторых, современные проявления глобального плюрализма не способны создать условия становления единой «картины мира» (в хайдеггеровском смысле). Субъект сегодня, если в том или ином дискурсе вообще предполагается говорить о его существовании, вынужден остро чувствовать в себе нехватку или обнаруживать себя в стремлении «собираания себя по кусочкам» из своих многообразных проявлений и идентификаций. И речь непременно будет идти о незавершённом, строящем себя «проекте» [7].

С переходом от классической рациональности к неклассической в прошлое уходит и понимание мира как «картины мира». Какое наполнение получают категории субъекта, мира и бытия в рамках современного философского дискурса? Что могло бы выступать в качестве «картины мира» сегодня? Наиболее плодотворной в отношении способа ответа на данные вопросы мне представляется

онтологическая позиция Ж. Делёза, в частности, его концепт «складки» [8]. Общей интуицией неклассической рациональности является, на наш взгляд, событие разворачивания, осуществления и одновременного описания мысли. Субъект, в свою очередь, даже если он остаётся «за кадром» разворачивания мысли (например, в постструктурализме), поставлен в условия постоянного притягивания смысла в мир, обретая свой способ бытия в непрерывном самотворчестве. Тогда мир можно рассматривать как бесконечные серии, переплетающиеся и образующие ризомные структуры; как бесконечные складки смысловых слоёв, которые субъект может обнаружить в своих «движениях» складывания-раскладывания «картин мира». Таким образом, если сегодня мы вообще можем говорить о «картинах мира», то предполагается, что их существует множество в различных разрезах (даже внутри одной науки имеют место несколько уживающихся друг с другом «картин мира»). В рамках такого понимания особенностей неклассического мышления можно провести следующую аналогию. Метафизика механицизма – это «одна большая новоевропейская складка» [9. С. 132], поэтому предполагается, что смысловые складки внутри неё всегда можно «разглядеть» и получить одну «картину мира». Однако неклассический субъект занимает по отношению к классическому новоевропейскому субъекту иную позицию: он не противопоставляет себя единственной готовой «картине мира», а существует в режиме сворачивания-разворачивания таких картин, которые оказываются неизбежно множественными.

Примечания

1. *Гайдено, Г. П.* Проблема рациональности на исходе XX века – Научно-теоретический журнал «Вопросы философии» № 6. М.: «Наука», 1991. С. 3-14.

2. *Порус, В. Н.* Парадоксальная рациональность – сборник «Рациональность на перепутье» в 2-х кн., кн. 1. М., 1991.

3. *Бакеева, Е. В.* Переосмысление категории веры в рамках неклассической рациональности – Позиции философии в современном обществе: материалы всеросс. науч. конф., посвящ. 45-летию филос. фак. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького, Екатеринбург, 19-20 мая 2010 г. В 2-х т. Т. 1. Екатеринбург: издательств-во Урал.ун-та, 2010. 360 с.

4. *Хайдеггер М.* Время картины мира – стр. 59-86.// Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем.; сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библихина. СПб.: Наука, 2001. 621 с. (Серия «Слово о сущем», т. 80)

5. *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Издательство «Логос», 2004. 240 с.
6. *Котелевский Д. В.* Грани (-) новой онтологии – В поисках новой онтологии. Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2004. 272 с.
7. *Сартр Ж.-П.* «Экзистенциализм – это гуманизм». М.: «Политиздат», 1989. С. 319-344.
8. *Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко / Общая редакция и послесл. В. А. Подороги. Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: «Логос», 1997. 264 с.
9. *Погоняйло А. Г.* Монадология и номадология – С. 127-133 // Метафизические исследования. Вып. 14. Статус иного. Альманах Лаборатории Метафизических Исследований. СПб.: Алетейя, 2000. 340 с.

В. А. Борейко
УрГУ им. А. М. Горького

БУДУЩЕЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ПРОБЛЕМЫ И ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Проблема выбора методологии для гуманитарных наук не нова, но по-прежнему актуальна. Нужна ли методология социологии и истории? И возможно ли предложить такой ее вариант, который будет полностью удовлетворять не только критериям научности, но и на деле выдавать положительные результаты познания.

Безусловно, сложность выбора методологии в гуманитарных науках напрямую зависит от сложности предмета рассмотрения. «Сам человек, как ни странно, являет собой главный пробел во всем комплексе гуманитарных наук» [3. С. 7]. Но именно он, человек, является той загадкой, которую хочется разгадать в первую очередь. Философская антропология – дисциплина, которая всего лишь за один век пропустила через себя такое множество содержательных и методологически разных концепций, являет собой венец «ученого незнания». Единственным несомненным знанием о человеке является понимания того, что он есть «тайна», «загадка бытия», которая уходит в глубины человеческого существования и прорывается наружу через выплески «океанического» чувства.

Все, что создано человеком, его руками и умом, должно служить во благо ему и окружающему миру, ибо от благополучия системы «природа-человек» зависит все живое.